

УДК 94(470.25).045+94(470.25).046

РЖЕВА ПУСТАЯ (ЗАВОЛОЧЬЕ) И ПУСТОРЖЕВСКИЕ ПОМЕЩИКИ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

© 2017 г.

Я.Н. Рабинович

Саратовской национальной исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов

RabinovichYN@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.12.2016

Рассмотрены неизвестные страницы истории крепости Заволочье в один из самых драматических периодов истории России начала XVII в. Особое внимание уделено судьбе служилых людей этого города и Пусторжевского уезда, многие из которых сначала сражались на стороне польского короля Сигизмунда III, а потом присягнули Михаилу Романову.

Ключевые слова: Г.Л. Валуев, А. Лисовский, Сигизмунд III, разрядные записи, земельные пожалования, воевода, четвертные приказы, кормленые и расходные книги.

Сведений о событиях в Заволочье (Ржеве Пустой или Пусторжеве) в Смутное время сохранилось очень мало. Все исследователи использовали лишь Псковскую летопись, где Заволочье упомянуто дважды, оба раза под 1612 годом. Известный краевед Л.И. Софийский, в частности, указал, что весной 1612 г. польский ставленник Александр Лисовский захватил Заволочье, а вскоре служилые люди из Себежа и Опочки отбили этот город. Об этом впервые писал еще митрополит Евгений (Болховитинов) [1; 2, с. 90].

Что касается Псковской летописи, на которую любят ссылаться исследователи, то хронология событий в ней чрезвычайно запутана, поэтому следует больше доверять актовым материалам, а не летописным записям. Это касается в первую очередь судьбы Заволочья.

Сведения об освобождении Заволочья от Лисовского содержатся в ряде источников. По поводу освобождения Заволочья псковский летописец отмечал: «В то ж время казаки Себежские и Опочечские, всякие люди, взяша Заволочье у Лисовского» [3, с. 231]. В данной летописи эти сведения помещены после информации о захвате Ивангорода шведами (мы знаем, что это произошло в декабре 1612 г.), но перед известием об освобождении Москвы от поляков (27 октября 1612 г.) и избранием Михаила Романова (21 февраля 1613 г.). Поэтому многие исследователи относили эти события к лету – осени 1612 г., считая, что Заволочье находилось в руках польского ставленника полковника Александра Лисовского недолго, всего лишь несколько месяцев (на самом деле – больше года).

Попробуем выяснить, когда эта крепость оказалась в руках псковичей, сторонников нового правительства Михаила Романова, и какую

роль в этих событиях сыграли служилые люди Опочки и Себежа.

Для уяснения того, что произошло в 1613 г. в районе Заволочья, следует остановиться на предыстории этих событий. Если говорить про соседние с Заволочьем крепости Опочку и Себеж, то ситуация здесь довольно простая. Все годы Смуты на Севере начиная с сентябрьских событий 1608 г. Опочка и Себеж подчинялись «старшему брату» Пскову. Какую власть признавал Псков, такую же власть поддерживали служилые люди Опочки и Себежа (сначала самозванцев Лжедмитрия II и Лжедмитрия III, потом руководителей ополчения под Москвой, а далее – нового царя Михаила Романова). Воеводы в Опочку назначались из Пскова. В частности, в одной из разрядных записей отмечено, что еще в 1612 г. воеводами Опочки были Иван Семенович Бороздин и Богдан Михайлович Аминев. Эти воеводы находились в Опочке в 1614 г., как отметил в свое время Л.И. Софийский. Особый интерес представляет следующая фраза относительно воевод Бороздина и Аминева в данной разрядной записи: «...отпущены из Пскова в 120-м году» [4, с. 296]. 7120 год начинается 1 сентября 1611 г. и завершается 31 августа 1612 г. В течение этого периода Иван Бороздин и Богдан Аминев приехали из Пскова в Опочку. Трудно сказать, то ли они прибыли как воеводы Лжедмитрия III, после того как этот самозванец укрепился в Пскове в декабре 1611 г., то ли их отправил в Опочку псковский воевода князь И.Ф. Хованский уже после свержения этого самозванца в мае – июне 1612 г.

В любом случае, начальную дату воеводства в Опочке Бороздина и Аминева можно перенести назад на два года (следует считать не 1614 г., а 1612 г.).

Если с «политической ориентацией» Опочки и Себежа все понятно, с Заволочьем все не так просто. Трудно сказать, какую власть поддерживали жители Заволочья с конца 1610 г., с того момента, когда власть в Москве и в Новгороде перешла к сторонникам Семибоярщины и польского королевича Владислава, вплоть до весны 1612 г., когда в Пскове свергли последнего самозванца, Лжедмитрия III. Мы не знаем, кто руководил в это время Заволочьем. Одна часть пусторжевских помещиков поддерживала самозванца, а другая часть – польского королевича Владислава. Некоторые из пусторжевских помещиков еще с осени 1610 г. участвовали в походе польского ставленника Григория Валуева к Великим Лукам. Эти пусторжевские помещики ранее сражались на стороне царя Василия Шуйского против Тушинского вора, к лету 1610 г. судьба забросила их в Подмосковье. Скорее всего, эти пусторжевцы в 1609–1610 гг. сражались вместе с лучанами в составе отряда Григория Валуева, который вплоть до Клушинской битвы поддерживал Василия Шуйского.

В своем донесении польскому королю Сигизмунду боярин И.М. Салтыков писал, что он отправил под Торопец и Великие Луки Григория Леонтьевича Валуева для принятия присяги. В Торопце воевода Александр Чоглоков и прочие крест целовали, а Луки – отказались. 14 октября 1610 г. Г.Л. Валуев, взяв с собой ратных людей и наряд в Торопце, пошел под Луки Великие, «и пришел, и хочет над Луками и воровскими людьми промышлять». В этом документе прямо говорится, что в составе отряда Григория Валуева были служилые люди из Лук, Невеля, Ржевы Пустой и даже Пскова: «Послал дворян и детей боярских Торопчан, Лучан, Пусторжевцев, Невлян, Пскович, Белян» [5, с. 452–460].

Что касается ряда помещиков Пусторжевского уезда, то многие из них вслед за Григорием Валуевым присягнули королевичу Владиславу и получили новые земельные пожалования от польского короля. Еще 3 августа 1610 г. Иван Семенович Симанский подал челобитную королю Сигизмунду о пожаловании ему во Ржеве Пустой села Вубовское с деревнями и пустошами, а в Псковском уезде сельцо Марково и сельцо Засилье. Он также просил во Ржеве Пустой выморочное поместье Семена Потапова. В другом документе этот помещик назван Иваном Леонтьевичем Симанским [6, с. 106].

Через 2 месяца, 30 октября 1610 г., этот Иван Семенович Симанский просил у короля Сигизмунда дополнительно поместья в Псковском уезде: «Вревском пригороде Воронцово приписанное ко Дворцу поместье Михаила Бурцева, которое было за Никитой Карамышевым» [7,

№ 183–CDXLIII, с. 367]. О судьбе бывших владельцев этих поместий Михаила Бурцева и Никиты Карамышева в источнике ничего не сказано.

В этот же день 30 октября 1610 г. получили от польского короля Сигизмунда земельные пожалования ряд других пусторжевских помещиков, в том числе Семен Бухвостов – поместье Ивана Косицкого и Дружины Карамышева во Ржеве Пустой [7, № 183–CDLX, с. 369].

6 декабря 1610 г., отправляя Григория Валуева из-под Смоленска в новый поход к Великим Лукам, король одновременно послал грамоты на Псков, Ям, Копорье, Ржеву Пустую, Невель и Луки, требуя, чтобы жители присягнули ему, Сигизмунду, как своему государю, «штыбы обратились ко государю» [7, № 183–DCLXXXIV, с. 394].

Григорий Валуев в итоге сумел подчинить польскому королю Великие Луки и Невель. Этого польского ставленника также поддерживали некоторые помещики Пусторжевского уезда.

Судя по челобитным королю Сигизмунду о пожалованиях, среди таких помещиков можно назвать пусторжевцев Данилу Шестунова и Бориса Головина, которые 30 января 1611 г. получили старое поместье во Ржеве Пустой, а также поместье другого пусторжевского помещика, Федота Чихачева, который был противником короля. В документах более позднего времени, относящихся к августу 1612 г., отмечено, что Федота Чихачева «в воровстве не стало» [8, с. 121].

Среди других челобитчиков королю Сигизмунду (январь 1611 г.) можно назвать Ивана Горяинова. Этот пусторжевский помещик просил дать свою вотчину и поместье Петра Кобылина во Ржеве Пустой [8, с. 121].

В данном источнике (Реестр жалованных листов и Реестр челобитий из Литовской метрики) весь текст, включая названия населенных пунктов и имена, дается на польском языке, поэтому возможны искажения в названиях.

Во второй половине 1611 г. за Заволочье развернулась борьба между сторонниками очередного самозванца Псковского вора Сидорки, который в декабре 1611 г. укрепился в Пскове, и польским ставленником Григорием Валуевым. Следует отметить, что после разгрома Великих Лук служилыми людьми из Торопца, возглавляемыми воеводой Подмосковского ополчения Семеном Гагариным, Григорий Валуев устроил себе новую базу в Невеле. Вместе с ним в Невеле оказались многие луцкие помещики, сторонники королевича Владислава.

Служилые люди из Себежа и Ржевы Пустой, которые подчинялись Пскову, не могли спокойно наблюдать, как Невель превращается в оплот поляков на Псковщине. Известно о случаях напа-

дения сторонников самозванца Лжедмитрия III на Невель. Об одном из таких походов к Невелю, который произошел, судя по всему, в конце 1611 – начале 1612 г., упоминал сам Григорий Валуев, жалуясь польскому королю Сигизмунду на пропажу ряда своих документов о пожалованиях. Он писал летом 1612 г. королю Сигизмунду и канцлеру Льву Сапеге, что когда он уезжал из Невеля к королю, то сторонники самозванца напали на Невель и уничтожили королевскую дарственную грамоту на Никольскую волость. Г.Л. Валуев просил короля дать ему новую грамоту. В августе 1612 г. по этой челобитной Григория Валуева в Вильно было принято положительное решение, ему выдали новую дарственную грамоту [7, № 183–DCCCLXXXV, с. 416].

В апреле 1612 г. (за месяц до свержения в Пскове Лжедмитрия III) над Опочкой возникла угроза с востока, со стороны Заволочья. Здесь в очередной раз «отличился» перешедший на службу польскому королю Сигизмунду полковник Александр Лисовский. Его стремительные рейды по Псковской и Новгородской земле поражают. Мы видим его возле Пскова у Мирожского монастыря, в Холмском уезде, под Печорами. До этого он разорил Остров, Вороноч и Красный. Летописец отмечал, что Лисовский *«многие пакости творит во Псковщине, с Детьми Боярскими Русскими и с Литвой, подо все пригороды, яко волк искрадом хватая и поядая»*. После очередной неудачи под Печорами Лисовский снова отступил в южные пределы Псковской земли. В первой половине апреля 1612 г. он начал новое наступление против Псковского вора, захватив южный пригород Пскова, Заволочье (Ржеву Пустую). Псковский летописец, внимательно отслеживавший все похождения Лисовского, писал: *«В то ж время Олисовской Заволочье взял, Псковский пригород»* [3, с. 230].

Возможно, чувствуя свое непрочное положение в Невеле, Григорий Валуев просил о помощи Лисовского, и тот в апреле 1612 г. устроил себе новую базу поближе к Невелю, в Заволочье. По-видимому, между Григорием Валуевым в Невеле и Александром Лисовским в Заволочье установились дружественные отношения, ведь они оба находились в то время на службе у польского короля.

При этом сторонники Лжедмитрия III (а точнее – противники польского короля Сигизмунда III и Лисовского) бежали из Заволочья в соседние города – Себеж и Опочку. Некоторые пусторжевцы занимали довольно высокие посты – они были назначены воеводами Себежа и Опочки (Иван Иванович Чихачев и Василий

Яковлевич Бобров). Остальные служилые люди в Заволочье присягнули польскому королю и стали воевать под командованием Лисовского и Григория Валуева

Летописец не случайно подчеркивает, что основную массу служилых людей у Лисовского в это время составляли местные пусторжевские и некоторые псковские помещики, «русские дети боярские». Судя по челобитным королю Сигизмунду, летом 1612 г. польского короля и его сына Владислава признавали своим государем большое количество невелинских и пусторжевских помещиков, а также некоторые псковские помещики, бежавшие из Пскова, в том числе – Богдан Данилович Сиротин, Андрей Жданов Квашнин, Иван Иванович Сумороцкий. Андрей Квашнин, например, писал в челобитной, что служит королю уже третий год без поместья, а его поместьем в Псковском уезде владеют воры (имеются в виду сторонники Лжедмитрия). По данной челобитной было принято положительное решение – дать Андрею Квашнину поместье, принадлежавшее ранее его погибшему родственнику Андриану Ивачеву, а также другое поместье, которое принадлежало его погибшему брату Ивану [7, № 183–DCCC–DCCCL. С. 423–424]. Известны имена 23 помещиков из Невеля, Заволочья, Пскова, которые продолжали верой и правдой служить летом 1612 г. королю Сигизмунду, в то время как под Москвой разворачивались бои ополчения Минина и Пожарского с гетманом Ходкевичем и польским гарнизоном.

Попробуем составить далеко не полный список пусторжевских служилых людей по отчеству, которые могли входить в отряды Лисовского и Валуева в это время (весна – осень 1612 г.). Естественно предположить, что все, кто летом 1612 г. писал челобитные королю Сигизмунду о пожалованиях, в этот период не принимали участия в освободительном движении против поляков, не присягали шведскому королевичу, не подчинялись новгородской администрации, а продолжали служить Семибоярщине и королевичу Владиславу. Из нескольких сотен имен, кому были пожалованы польским королем поместья в августе 1612 г., выберем только тех, кто имеет отношение к нашему региону. Эти пожалования в Вильно скреплял своей подписью и печатью канцлер Лев Сапега. Везде говорится, что эти поместья были пожалованы челобитчикам «за службу». Практически по всем челобитным принималось положительное решение о пожаловании, в некоторых случаях помещик-челобитчик получал часть пожалований (он просит дать два поместья, а ему дают одно). Вполне возможно, что не все

челобитчики служили королю Сигизмунду с лета – осени 1610 г., как Г.Л. Валув, или с февраля 1610 г., как русские тушинцы. Некоторые помещики перешли на службу Сигизмунду и Владиславу лишь в мае – июне 1612 г. после свержения и ареста псковичами Лжедмитрия III. Эти лица также упоминаются среди челобитчиков. О продолжительности службы королю иногда говорится в челобитной («служу я тебе вот уже третий год»), но во многих челобитных такой фразы нет.

Нас будут интересовать только пусторжевские помещики, а также другие служилые люди, которые получают поместья в Пусторжевском уезде.

Судя по челобитным королю Сигизмунду, в августе 1612 г. польского короля и его сына признавали своим государем большое количество пусторжевских помещиков. Среди них – Дмитрий Андреев Кобылин, который просил поместье Григория Федорова Зеленого (тот в измене, сбежал в Торопец) [7, № 183–DCCCLXXVIII, с. 413].

Пусторжевский помещик Иван Леонтьевич Симанский писал королю, что его поместья находятся в Псковском уезде в засадах и пригородах, ими всеми владеют воры и изменники. Он просит в Ржеве Пустой порожнее поместье Федора Андреевича Бурцева в разных станах (Бурцев убит, жены и детей нет) [7, № 183–DCCCLXXXIV, с. 416].

Трое пусторжевских помещиков Андрей Беклемишев, Девятой Шатилов и Богдан Елагин в своих челобитных просили дать им в Пусторжевском уезде в Оленском стану порожнее изменничье поместье Бориса Лихарева. Это поместье размером в 300 четей было ранее за племянником Бориса Лихарева Алексеем Лихаревым. По этой челобитной было принято положительное решение, и поместье разделили поровну на троих (каждому дали по 100 четей): «И мы государь пожаловали детей наших боярских, Андрея и Девятого и Богдана» [7, № 183–DCCCLXIV, с. 425].

Один из самых известных пусторжевских помещиков Никита Иванович Ушаков имел наибольший поместный оклад 850 четей. Он сообщал, что его поместья находятся в Ржеве Пустой 320 четей и в далеком Можайске 220 четей. В своей челобитной Никита Ушаков просил дать поместье Ивана Михайловича Чихачева в Ржеве Пустой в Дубецкой волости в Боруцком стану сельцо Успенское, а также другое поместье этого Ивана Чихачева в Ошевском стану. Бывший владелец этими землями Иван Михайлович Чихачев умер, у него остались жена и две дочери-девочки, они живут в Пскове, который «еще за Вором» [7, № 183–DCCCLXI, с. 419].

Пусторжевский помещик Роман Бухвостов (оклад 500 четей) имел поместье в Ржеве Пустой (200 четей). Он просит в Ржеве Пустой выморочное поместье Федота Чихачева в Дубецкой волости в Ошевском стану (300 четей). В челобитной Роман Бухвостов писал, что Федота Чихачева «в воровстве не стало», а жены и детей не осталось [7, № 183–DCCCLII, с. 424].

Интересен случай с пожалованием поместий близким родственникам. Пусторжевский помещик Семен Богданович Назимов (оклад 500 четей) имел в Ржеве Пустой поместья на 100 четей, а в Луках Великих ему ранее было дано от тещи Ульяны, вдовы лучанина Федора Борисова, еще 100 четей. Семен Назимов просил в своей челобитной королю дать ему в Ржеве Пустой в разных станах поместья его дяди Алексея Назимова, который был убит под Кромами. После гибели А. Назимова осталась его вдова Варвара (тетка С.Б. Назимова) и две дочери. По данной челобитной было принято решение, по которому Семен Назимов мог владеть поместьем его дяди вместе с теткой и двоюродными сестрами [7, № 183–DCCCLXV, с. 421].

Одним из пусторжевских помещиков был князь Тимофей Оболенский, который к тому времени уже умер (у него размер поместья составлял 550 четей). Возможно, это был тот самый сеунщик князь Тимофей Телица Оболенский Черный, которого в мае 1610 г. отправил в Москву к царю Василию Шуйскому Григорий Валув, когда разбил под Иосифо-Волоцким монастырем отряд пана Руцкого. Напомним, что именно в ходе этого боя был «отполонен святейший митрополит» Филарет. В одной из разрядных записей, которая, по-видимому, не прошла цензуру патриарха Филарета, отмечено: «Того ж году мая в 4 день пригнал с сеунчом от воеводы от Григорья Волуева из Осипова монастыря Пусторжевец князь Тимофей князь Иванов сын Оболенской, что Литву побили и языки поимолли многия, и Филорета митрополита полонил и многих изменников поимолли» [9, с. 104–105, 126, 165, 189, 256]. После смерти кн. Т. Оболенского его жена уехала в Псков. Пусторжевский помещик Михаил Афанасьев Елагин (оклад 600 четей) в челобитной сообщал, что он имеет в Ржеве Пустой поместья всего 150 четей, и то это поместье «от воинских людей пусто». Поэтому М. Елагин просил дать ему поместье князя Тимофея Оболенского. Польский король и канцлер Лев Сапега приняли решение передать 400 четей Михаилу Елагину, а остальные 150 четей оставить для вдовы, и отдать ей, когда она выйдет из Пскова [7, № 183–DCCCLXIX, с. 422–423].

Поместья в Пусторжевском уезде, как и в Невельском, имели не только местные дворяне, но и стрелецкие начальники. Пусторжевский сотник стрелецкий Василий Едигеев сообщал в челобитной королю, что его поместный оклад составляет 350 четей, а поместья у него никакого нет. В. Едигеев просил в Ржеве Пустой в Дубецком стану поместье Ивана Ржевского. Это поместье было ранее дано на прожиток жене Ивана Ржевского, которая уехала в Псков, а также Григорию Карамышеву, который убит, жены и детей нет [7, № 183–DCCLXXXIX, с. 418].

Это далеко не полный список помещиков, которые продолжали служить летом 1612 г. королю Сигизмунду, в то время как под Москвой разворачивались бои ополчения Минина и Пожарского с гетманом Ходкевичем и польским гарнизоном. Думается, что эти помещики и их потомки не любили позже вспоминать об этой службе польскому королевичу Владиславу и королю Сигизмунду, они очень хотели, чтобы эти документы не стали достоянием гласности. Ведь между челобитными конца 1610 г., когда многие верили в православного царя Владислава, и челобитными лета 1612 г., когда стали ясны для всех планы польского короля, существует большая разница.

Большинство данных челобитных было написано в конце весны – начале лета 1612 г. Следует учесть время на доставку их в Вильно, где находился король и канцлер. К моменту подписания данных челобитных королем самозванец Лжедмитрий III уже в качестве пленника был привезен под Москву и находился в руках руководителей ополчения.

Но вернемся к Опочке и к тем пусторжевским служилым людям, которые нашли приют в этой крепости. Можно только представить себе, что чувствовали беглецы из Заволочья, с какой ненавистью они относились к тем, кто их изгнал из родных мест и остался служить в этой крепости новым хозяевам. Этим можно объяснить то, что произойдет в Заволочье через год, в июле 1613 г.

В начале 1613 г. на север проникли сведения о капитуляции польского гарнизона в Кремле, об освобождении Москвы силами двух ополчений – Нижегородского (Минина и Пожарского) и Подмосквовного (Трубецкого). Представители Пскова и псковских пригородов не успели принять участие в Земском соборе и не выбирали нового царя Михаила Романова, хотя известно, что именно к новому московскому правительству псковичи обращались за помощью в борьбе против шведов и поляков. Сведения об избрании Михаила Романова уже весной 1613 г. проникли в Псков. Земские выборные отправляли специальных представителей с текстом

крестоцеловальной записи присяги Михаилу Романову в различные города, в том числе в Псков. Известно также о мерах, которые предпринимало правительство Михаила Романова весной 1613 г. для оказания помощи Пскову [10, стб. 1051–1055].

Служилые люди Опочки, Себежа и других псковских пригородов, а также бежавшие из Заволочья пусторжевские помещики уже к началу лета 1613 г. признали нового царя Михаила Романова, выступили против поляков и польского полковника Лисовского, вытеснив последнего из Заволочья.

Главную ударную силу при освобождении Заволочья составляли казаки из Себежа и Опочки, а также «всякие люди», стрельцы и некоторые дети бярские. Прошло больше года с того момента, когда Лисовский захватил Заволочье, а противники польского короля вынуждены были бежать из Заволочья в Опочку, бросив свое имущество. Они жаждали реванша. И вот это время наступило. Тем более что некоторые отряды казаков из Подмосквовного ополчения уже прибыли на помощь Пскову.

1. Руководство этой операцией осуществляли воеводы Опочки Иван Семенович Бороздин и Богдан Михайлович Аминев. Эти воеводы, Иван Бороздин и Богдан Аминев, как было отмечено ранее, служили в Опочке в 1612, 1613 и в 1614 г. В феврале 1614 г. мы видим в Опочке этих же воевод (Бороздина и Аминева), которые отправляли донесения в Псков [11, № 67, с. 102–103].

В походе к Ржеве Пустой участвовали также служилые люди из Себежа во главе со стрелецким головой Иваном Нееловым, который беспрерывно находился в Себеже на протяжении нескольких лет (мы видим его в Себеже в 1612 г., в 1614 г. и позднее) [12; № 334, с. 399–401; 13, № 65, с. 100–101].

В Разрядной записи за 1613/1614 г. говорится о воеводах других псковских пригородов, в том числе в Заволочье – «Иван Матвеев сын Бобров» [4, с. 296–297]. Этого Ивана Боброва можно также считать одним из участников освобождения Заволочья. Иван Матвеевич Бобров стал первым псковским воеводой в Заволочье после освобождения этого города от Лисовского. Возможно, что Иван Бобров оказался и последним воеводой этой крепости, которая вскоре надолго прекратила свое существование.

Псковский летописец, когда писал об освобождении Заволочья от Лисовского, указывал, что при этом было взято «много сукон; и город сожгли. И детей боярских Андрея Квашинина и прочих прислаша во Псков; а оне служили со Лисовским вместе. И Литву побииша» [3, с. 231].

Точная дата освобождения Заволочья указана в письме воеводы Невеля Григория Валуева, который продолжал в то время поддерживать польского королевича Владислава, велижскому старосте Александру Гонсевскому. Григорий Валуев сообщал А. Гонсевскому, что 9 июля 1613 г. ночью под Заволочье, где А. Лисовский оставил немногих людей, пришли, собравшись из Опочки и из Себежа, «воровские люди», замок (крепость) Заволочье взяли, польских литовских и русских людей вместе с их женами и детьми побили, а замок спалили. Лисовский в это время отсутствовал в Заволочье. По словам Г. Валуева, Лисовский пошел в очередной поход, взяв с собой польских и литовских людей, а также дворян и детей боярских, поэтому состав гарнизона Заволочья был значительно ослаблен, чем и воспользовались враги поляков из Себежа и Опочки, захватив крепость. Пленных повели в Опочку, а по пути, по словам Валуева, многих перебили. Некоторые дети боярские сумели спастись, убежав в лес, они после пришли в Невель «только душой и телом».

Г. Валуев просил А. Гонсевского поспешить с войском к Велижу и помочь ему, Валуеву, удержаться в Невеле, «*поспешить с людьми нам на помощь, чтобы нас, верных слуг короля Сигизмунда и королевича Владислава, не выдать изменникам государевым*» [14, с. 421–422].

От некоторых торговых людей, уехавших в Торопец на ярмарку («*dla targu*») и вернувшихся к тому времени в Невель, Григорий Валуев узнал о венчании в Москве «на Петров день» нового царя Михаила Романова. Сведения о планируемом венчании в Москве Михаила Романова быстро дошли до Невеля. Это заставило многих людей задуматься о своей будущей судьбе и о выборе дальнейшего пути.

Среди взятых в плен в Заволочье воинов Лисовского мы видим псковских помещиков, которые в то время продолжали служить польскому королю, в том числе известного по своим челобитным о пожаловании королю Сигизмунду Андрея Ждановича Квашнина. Повидимому, в то же время были захвачены и некоторые другие челобитчики польскому королю. Все они быстро оценили сложившуюся обстановку и сразу же присягнули новому царю Михаилу Романову. Многие из тех, кто в 1612 г. просил у короля поместья, окажутся уже в 1613–1614 гг. на службе новому московскому правительству.

Сравнив дату, указанную в письме Г. Валуева (9 июля 1613 г.), с другими событиями на Псковщине, мы приходим к выводу, что псковичи практически одновременно наносят удары по шведам и полякам. После прибытия

на помощь Пскову отрядов казаков, а также служилых людей из Торопца, Заволочья, Себежа, Опочки, угроза Пскову с юга от поляков была ликвидирована. Теперь псковичи могли проводить более активную наступательную политику по отношению к шведам. Это мы видим на примере Гдова, Порхова и других городов. Около середины июня 1613 г. в ходе внезапного нападения был освобожден от шведов Гдов, затем 9 июля – Заволочье, а 22 июля была предпринята попытка освободить Порхов, впрочем, закончившаяся неудачей. Таким образом, активизация псковичей летом 1613 г. представляется неоспоримым фактом.

Наступление псковичей, освобождение Заволочья и других крепостей, а также изменение политической ситуации в центре России вынудили польского ставленника на Псковщине Александра Лисовского срочно заключить мирный договор с псковичами, о чем сообщил псковский летописец: «*Тое ж весны приходил Олисовской подо Псков миритися, и замирил Полоцко, чтоб Псковским ратным туде не воевати; и поцеловал крест, и прочь пошел, и пошел под Смоленск с кормом Литвы*» [3, с. 231]. Дату заключения этого договора «*тое ж весны*» можно уточнить. Это произошло 20 августа 1613 г. Сохранился документ, опубликованный еще сто лет назад, в котором приведен текст данного договора о перемирии [15, с. 422–424].

Согласно данному договору Лисовский обязывался «*...в господара нашего землю за Невль не вступатца, и неметицким людем и господара нашего изменником не помогати*». Этот текст имеет прямое отношение к Григорию Валуеву. Слуга польского короля Григорий Валуев к осени 1613 г., трезво оценив обстановку, понял, что Лисовский, заключив данный договор, признал Невель отчиной нового московского царя (как минимум, отчиной Пскова, если поляки еще не хотели признавать Михаила Романова царем). Валуев, находясь в Невеле, понял, что помощи ему от Лисовского не будет, он знал, что московские войска уже осадили Смоленск, а со стороны Старой Руссы движутся в сторону Невеля московские казаки Андрея Палицына. Валуев, считаясь с мнением невелиских служилых людей, принял решение о переходе на сторону Михаила Романова. Теперь Невель присоединился к псковским пригородам, Себежу и Опочке. Начинаются походы служилых людей из Себежа и Невеля на территорию Литвы. Со своей стороны, поляки предпринимали походы, чтобы вернуть Невель.

Сейчас трудно сказать, кто первым нарушил это местное перемирие. Обе стороны обвиняли друг друга. Позже, при переговорах в конце

1615 г., польские комиссары жаловались, что русские вероломно нарушили условия данного перемирия. В этом документе уточняется, что псковичи заключали перемирие не только с Лисовским, но и с воеводами других литовских городов: «*Да воеводове и люди ваши городов украинских Невля, Себежа, Опочки и Красного, с князем Михайлом Соколинским воеводою Полоцким, с городом Витебском и с нашими городами его королевской милости украинными перемирие застановивши и покой учинивши и крестным целованием укрепивши*». Поляки жаловались, что когда жители порубежных городов, надеясь на заключенное перемирие, ни о чем не беспокоились, жили беспечно («убезпечились»), «*люди ваши, переступивши крестное целование, местечко Освею и села Освейские, также иные многие села и деревни уезду Полоцкого и Витебского посели, людей посекали и многих в полон брали*» [16, № 198, с. 447–448; 17, с. 693].

Источники с московской стороны содержат более подробную информацию об этих событиях и также свидетельствуют об успешных рейдах казаков Валуева в Литовскую землю, о взятии служилыми людьми из Невеля двух литовских городков, Освея и Улы. Эти события происходили в конце декабря 1613 г. – начале января 1614 г. В этих событиях приняли активное участие помещики из Заволочья, перешедшие на сторону Михаила Романова.

В дальнейшем пусторжевские помещики приняли активное участие в борьбе против поляков и шведов в составе гарнизонов Пскова и Невеля. Известен успешный рейд служилых людей из Невеля к литовскому городу Озерису. Об этих действиях воеводы Невеля Семена Гагарина мы узнаем из записи в Книге сеунчей от 20 мая 1614 г., когда в Москву приехал сеунщик «*пусторжевец Микита Иванов сын Соморук*». По-видимому, это был один из наиболее отличившихся воинов, командиров отрядов, которого Семен Гагарин отправил с донесением в Москву. Никита Сумароков сообщил, что «*из Невеля ходили головы под литовский город Озерису и литовских людей побили*». Этот рейд служилых людей из Невеля за рубеж к Озерису, осуществленный по указанию воеводы Семена Гагарина, происходил в конце апреля – начале мая 1614 г., учитывая время на дорогу из Невеля в Москву. Сеунщик Никита Сумароков получил государево жалование «*ис приказы пять рублев да у Казны сукно доброе*», ценой 1 рубль 19 алтын [18, с. 26].

В Расходной книге товарам и вещам уточняется, что 24 мая 1614 г. (т.е. через три дня) этот пусторжевец Никита Сумароков вместе с казачьим атаманом Богданом Порываевым получил

государево жалование: «*Дано государева жалованья пусторжевцу Миките Иванову сыну Сумарокову, да атаману Богдану Порываеву по 4 ари. без чети сукна аглинсково лазоревово, цена по рублю по 19 ал. портище*» [19, с. 294].

3 октября 1614 г. сеунщик Иван Широносков, который принимал активное участие в обороне Невеля, повез из Москвы жалование служилым людям в Торопец и Невель. В состав гарнизона Невеля в то время входили невелиские, луцкие и пусторжевские помещики [20, стб. 299]. В разрядной записи за следующий 1615/1616 г. уточняется, что на Невеле находилось 17 пусторжевских помещиков, а также 122 луцких и 53 невелиских. Еще 40 пусторжевских помещиков в то время находились в Пскове [21, стб. 176].

22 октября 1614 г. пусторжевский помещик Андрей Алексеевич Юшков и лучанин Богдан Креницын повезли деньги «*на Невль невелиским пушкарем и воротником и кузнецом и плотником 43 человеком на жалованья и на хлеб*» [20, стб. 301].

Через три с половиной месяца 6 февраля 1615 г. этот же пусторжевец Андрей Юшков снова повез деньги на Невель. Эти деньги предназначались для раненых казаков станицы Богдана Порываева, которые отличились в боях с литовцами и были «*ранены на вылазках в приход под Невль Литовских людей в нынешнем 123-м году*». Казаки получили 100 рублей: «*...на зелье и на лечбу 100 р. послано*» [20, стб. 318].

Основная масса пусторжевских помещиков, получавших в 1614–1618 гг. жалование в московских четвертях, была подведомствена Устюжской, Галицкой и Владимирской четвертям. Все эти четверти были центральными московскими финансовыми органами, туда поступали налоги из разных регионов страны, а из этих четвертей выдавалось жалование высшим разрядам служилых людей, так называемым четвертчикам.

О многих **четвертчиках Устюжской чети** известно благодаря сохранившейся почти полностью Расходной книге этой четверти 7127 года. Не беда, что начало данной книги утрачено. В этой утраченной части указаны четвертчики с очень большими окладами. Такие оклады (свыше 230 рублей) помещикам Ржевы Пустой даже не снились. Хуже другое. В этой книге приведены сведения лишь за 1618 год, здесь указаны служилые люди, жившие в то время, в последний год Смутного времени, и лишь изредка имеется запись о смерти того или иного четвертчика в предыдущем году. Поэтому здесь мы не найдем информацию о помещиках, четвертчиках Устюжской чети, погибших, например, в

1613–1616 гг. А ведь эти годы нас интересуют больше всего. Учтем также, что все эти оклады указаны по состоянию на 1618 г. В 1613–1614 гг., когда данные помещики перешли на службу Михаилу Романову, их оклады были значительно меньше. Потом, естественно, последовали придачи за службу. Этот итоговый оклад к концу Смуты указан в данном источнике. Редко удается выяснить, когда именно и за какие конкретно заслуги данное лицо получило придачу к денежному окладу.

Пусторжевец Иван Иванович Чихачев (воевода Опочки) имел оклад 40 рублей. В Устюжской чети получал также жалование пусторжевец Василий Яковлевич Бобров – это воевода Себежа в 1614 г. Его оклад составлял 35 рублей [22, стб. 697, 698, 700]. Пусторжевец Григорий Замятнин Бухвостов имел оклад 28 руб. [22, стб. 705, 706].

2. Что касается других пусторжевских помещиков, то кроме упомянутых ранее Ивана Чихачева, Василия Боброва и Григория Бухвостова в Расходной книге Устюжской чети записаны всего 9 помещиков-пусторжевцев с окладами от 26 до 8 рублей. Это Богдан Перфильев Бороздин (26 руб.), Петр Федорович Лихарев (23), Федор Юрьевич Неелов (22), Лука Поярков Головин (19), Федор Васильевич Огарев (17), Василий Иванович Бухвостов (15), Тимофеев Иванович Дубровский (12), Филимон Монастырев (10), Степан Клочков (8 руб.) [22, стб. 707, 712, 713, 718, 720, 725, 733, 735, 738].

Что касается **четвертчиков Галицкой чети**, то источники об этих людях довольно скудные. Сохранился отрывок Кормленной книги данной четверти. Плюсом данного источника является то, что здесь указаны служилые люди, получавшие жалование, начиная с 1613 и вплоть до 1617 г., т.е. за интересующий нас период.

Однако большим минусом данного отрывка Кормленной книги как источника Смутного времени следует считать то, что в ней указаны служилые люди с минимальными окладами (от 13 до 5 рублей). А ведь большинство помещиков северо-западных регионов (псковичей, новгородцев, лучан, пусторжевцев, невлян) имели оклады в пределах 14–30 рублей. Эти люди записаны в утраченной части данной книги, восстановить их имена намного сложнее.

Еще в конце 1613 г. перешедший на сторону Москвы воевода Невеля Григорий Валув после присяги всех жителей Михаилу Романову отправил в Москву невельский список служилых людей, которые в то время находились в Невеле, с указанием прежнего оклада каждого из этих служилых людей по отчеству, будь то лучанин, пусторжевец или невлянин. В этом же

списке уточнялось, откуда ранее (в том числе до Смуты) получал жалование тот или иной человек и в каком размере. После московского разорения в столице практически не осталось документов прежних времен, и дьякам приходилось либо прибегать к индивидуальным сыскам по конкретному человеку, либо верить спискам, которые присылали воеводы из городов. Сведения были нужны дьякам каждой из четвертей, чтобы московское правительство могло отправлять ежегодно жалование этим служилым людям.

В Кормленной книге Галицкой чети записано в качестве четвертчиков 10 пусторжевцев.

Довольно большой для провинциального помещика оклад в Галицкой чети имел пусторжевец Афанасий Григорьевич Бурцев. Из другого источника известно, что в первые годы царствования Михаила Романова ему был установлен прежний оклад 1610 г. в размере 23 рублей [23, с. 320].

Среди пусторжевских помещиков в Кормленной книге указаны Петр Петрович Горяинов, Степан Иванович Меньшой Елагин, Семой Алексеевич Юшков, Иван Алексеевич Лихачев [24, с. 98]. У всех этих служилых людей старый денежный оклад в 11 рублей был еще при царе Василии Шуйском и после этого до конца Смуты не менялся. Об их новых пожалованиях за службу сведений нет, по-видимому, они ничем особенным не отличились по службе.

Иван Данилович Моклок (Моклоков?) также был пусторжевским помещиком. В октябре 1615 г. он снова стал получать жалование из Галицкой чети в размере 6 рублей за «оставшевскую и рамьшевскую службу» [24, с. 169]. Иван Моклок участвовал в отряде Андрея Федоровича Палицына в сражениях под Старой Руссой (это Рамьшевское осадное сидение, завершившееся в феврале 1614 г. победой москвичей), а также в боях под Осташковом, когда 22 ноября 1614 г. Андрей Палицын нанес поражение литовским людям.

Еще четыре пусторжевских помещика отличились в обороне Пскова от шведов летом – осенью 1616 г. Это Григорий Богданович Назимов, Тихомир Лукич Шетиллов, Микита Иванович Селин, Степан Леонтьевич Бухвостов. Они получили жалование из Галицкой чети в размере 6–7 рублей лишь в июле 1617 г. [24, с. 158, 170].

В первые годы царствования Михаила Романова все прямые и косвенные налоги из Невеля и Ржевы Пустой поступали во **Владимирскую четверть**. Точные сведения об этом имеются за 1613/1614 г. [25, стб. 35, 65]. Некоторые служилые люди из Невеля и Ржевы Пустой имели в данной четверти довольно большие оклады (по 25–30 рублей и более). Четвертчиками этой

Владимирской чети был пусторжевец Макар Васильевич Молвянинов (в ноябре 1613 г. ему за службу и за раны добавлено 4 рубля к прежнему окладу в 25 рублей). Еще один пусторжевец Михаил Прокопьев Пушечников имел самый большой в то время денежный оклад (в мае 1614 г. ему было прибавлено к прежнему окладу в 30 рублей еще 4 рубля по государеву указу) [26, с. 42, 45, 48].

Известны пусторжевцы Иван и Воин Сумароковы, которым позднее, в июне 1615 г., вновь были утверждены старые оклады по 18 рублей, а также даны придачки к окладам в размере 4 рубля (Ивану) и 3 рубля (Воину) [26, с. 48].

Василий Иванович Коптев еще 17 апреля 1613 г. (!) был восстановлен в результате дворянского сыска в четвертиках Владимирской чети с окладом в размере 15 рублей. В это время царь Михаил находился по пути из Ярославля в Москву, а вся власть в столице принадлежала Боярской думе. Тогда же Василию Коптеву было прибавлено по боярскому приговору еще 4 рубля [26, с. 52]. Все это свидетельствует о том, что Василий Коптев еще в 1612–1613 гг. принимал участие в освободительном движении против поляков в центре страны.

Некоторые Коптевы в начале 1613 г. сражались в Торопце против поляков Гонсевского. Ефим и Тимофей Александровичи Коптевы «сидели в Торопце в осаде от масленницы до Троицына дня» вместе с луцкими помещиками [27, с. 136]. Коптевы были и невельскими помещиками (Яков Никитич Коптев).

Но вернемся к нашему Василию Ивановичу Коптеву. 23 марта 1614 г. этому Василию Коптеву в Москве было придано еще 3 рубля к прежнему окладу «за Невельскую службу» (теперь он стал получать 22 рубля) [26, с. 52]. Судя по награждению, эта «Невельская служба» связана с событиями под Невелем конца 1613 – начала 1614 г. Василий Коптев вполне мог сыграть определенную роль в переходе Невеля летом – осенью 1613 г. на сторону Михаила Романа, как посланник нового московского правительства в этот город, где вместе с Григорием Валуевым служили многие луцкие помещики и пусторжевцы Коптевы.

Еще один источник о службе служилых людей Михаилу Романову в завершающие годы Смуты – это **Кормленная книга Костромской чети**, опубликованная А.Н. Зерцаловым еще в 1894 г. [28]. К сожалению, данный источник в полном объеме тоже не сохранился. В сохранившейся части Кормленной книги мы находим сведения о 1389 лицах из среднего русского дворянства, служивших по 80 различным городам. Среди них – 34 псковских помещика, 26 новго-

родцев (в том числе – 23 помещика Шелонской пятины). Пусторжевских помещиков в сохранившейся части данной кормленной книги нет.

Ржева Пустая разделила в последние годы Смуты судьбу Великих Лук. То ли Ржева Пустая подверглась нападению польских отрядов в 1614 г., то ли псковские воеводы по указанию из Москвы приняли решение о невозможности далее оборонять имеющимися силами эту крепость, но факт остается фактом. С этого времени (1614 г.) пусторжевские помещики находятся в составе гарнизонов Невеля и Пскова, а в Ржеву Пустую воеводы больше не назначаются и о ней в Разрядах не упоминается. В 1615/1616 г. в Пскове было 40 пусторжевцев, а в Невеле – 17, в 1616/1617 г. – 58 и 20, в 1617/1618 г. – 58 и 22. После заключения Деулинского перемирия и передачи Невеля польской стороне пусторжевские помещики (около 20 человек) из Невеля вместе с невлянами и лучанами были переведены в Великие Луки. Эта крепость в 1619 г. вновь была восстановлена. Основная масса пусторжевских помещиков все эти годы продолжала нести службу в Пскове. В 1625 г. там находилось уже 80 пусторжевских помещиков. Что касается самой Ржевы Пустой (Заволочья), то эта крепость упоминается лишь один раз после длительного перерыва в разрядной записи за 1623/1624 г. Здесь же указан воевода Заволочья Богдан Васильевич Назимов [21, стб. 176, 388, 391, 523, 642, 643, 1135.].

В дальнейшем Ржева Пустая более 20 лет не упоминается в источниках, – по-видимому, попытки восстановления этой крепости вплоть до 1640-х годов не увенчались успехом.

Список литературы

1. Евгений (Болховитинов), митрополит. История княжества Псковского / Сост. Н.Ф. Левин, Т.В. Круглова. Репринтное издание. Пскововская обл. типогр., 2009. 416 с. (Псковская историческая библиотека). Первое изд. Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 1831.
2. Софийский Л.И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). Репринтное издание. Псков: Псковская обл. типография, 2004. 232 с. (Псковская историческая библиотека). Первое изд. Псков: Издание Опочечкой Городской Думы, 1912.
3. Псковские летописи / Изд-во М.П. Погодина. М., 1837.
4. Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. / Сост. В.И. Буганов, Л.Ф. Кузьмина; отв. ред. В.И. Буганов. М.: Институт истории АН СССР, 1974. С. 180–313.
5. Донесение польскому королю Сигизмунду III и его сыну царю Владиславу Сигизмундовичу от боярина И. Салтыкова из Новгорода. 1610 год, 17 ноября // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии ино-

странных дел. В 4 ч. М., 1819. Ч. 2. № 209. С. 452–460.

6. Реестр челобитий королю Сигизмунду от русских людей о вотчинах и поместьях. Под Смоленском, 1610 г. (Из Литовской метрики) // Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611: Смутное время Московского государства. Вып. 8. / Под ред. и с предисловием Л.М. Сухотина. М., 1911. С. 104–117.

7. Жалованные и другие грамоты Польского короля Сигизмунда Московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам, на отчины и поместья, чины, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский Царский престол. 1610–1612. // Акты, относящиеся к истории Западной России (далее – АЗР). В 5 т. Т. 4 (1588–1632). СПб., 1851. № 183 (I–DCCVIII). С. 320–427.

8. Реестр жалованных листов короля Сигизмунда русским людям на вотчины и поместья. Под Смоленском, 1611 г. (Из Литовской метрики) // Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611. М., 1911. С. 117–124.

9. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907 год. Кн. 3 (222). С. 81–311.

10. Отписка Земского Совета Царю Михаилу Федоровичу о распоряжениях по защите Пскова от шведов // Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – Дворцовые разряды). СПб., 1850. Т. 1. Прил. № 6. Стб. 1051–1055.

11. Отписка Псковских воевод князя Ивана Хованского, Никиты Вельяминова и Василия Корина о вестях про Литовских и Немецких людей. 1614, февраль // Акты Московского государства, изданные Академией Наук. Разрядный приказ. Московский стол / Под ред. Н.А. Попова (далее – АМГ). В 3 т. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634). № 67. С. 102–103.

12. Лист Себежских Самозванцевых воевод Лодыгина и Неелова Полоцкому державцу Корсаку-Голубицкому, о воспрещении Литовцам набегов на Себеж. Себеж. 1612, марта 31 // Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. В 5 т. СПб., 1841. Т. 2. (1598–1613). № 334. С. 399–401.

13. Отписка Псковских воевод князя Ивана Хованского с товарищами, что Себежские осадные головы Василий Бобров, да Иван Неелов чинят задоры за рубежом, и за то литовские люди хотят осадить Себеж. 1614, февраль // АМГ. СПб., 1890. Т. 1. № 65. С. 100–101.

14. Выпись из письма Г. Валуева из Невелия к А.И. Гонсевскому. 1613, июля 11 // Сб. РИО. М., 1913. Т. 142, № XXIII–1. С. 421–422.

15. Утвержденный список перемирного договора Псковских уполномоченных с Ал. Лисовским. 1613, августа 20 // Сб. РИО. М., 1913. Т. 142, № XXIII–2. С. 422–424.

16. Лист Литовско-Польских послов Московским думным боярам, о готовности их быть в назначенный срок на съезде для мирных переговоров с требованием прекратить набег на порубежные места и выслать на границу Польских и литовских пленников для взаимного размена. 1615, августа 20 // АЗР. Т. 4, № 198. С. 447–448.

17. Грамота Литовско-Польских послов Московским боярам... 1615, августа 20 // Сб. РИО. Т. 142. № XXXV. С. 693.

18. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. Книга сеунчей и документы Разрядного приказа о походе Лисовского / Сост. А.Л. Станиславский, С.П. Мордовина, Б.Н. Флоря; под ред. Б.Н. Флори. М.; Варшава: Археологический центр, 1995. 160 с.

19. Приходно-расходные книги Казенного приказа: Расходная книга товарам и вещам 1613–1614 гг. // РИБ. В 39 т. СПб., 1884. Т. 9. С. 149–341.

20. Приходно-расходная книга Разряда 7123 года: Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. В 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 275–508.

21. Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – Книги разрядные). В 2 т. Т. 1 (1614–1627). СПб., 1853.

22. Расходная книга Устюжской чети 127 г.: Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. Стб. 683–752.

23. Кормленщики Галицкой четверти, их оклады и службы в Смутное время // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 308–352.

24. Кормленная книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 60–188.

25. Приходно-расходная книга Владимирской чети 122 г.: Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. В 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 1–116.

26. Кормленная книга Владимирской Четверти 7123 г.: Четвертики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Под ред. Л.М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 42–59.

27. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпы Печатного приказа) / Под ред. Л.М. Сухотина. М., 1915. 240 с.

28. Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 годов / Публ. А.Н. Зерцалов // РИБ. СПб., 1894. Т. 15. С. 1–209.

References

RZHEVA PUSTAYA (ZAVOLOCHYE) AND PUSTORZHEVSK LANDOWNERS IN THE TIME OF TROUBLES

Ya.N. Rabinovich

The article deals with some unknown pages in the history of the Zavolochye fortress during one of the most dramatic periods in the Russian history of the early 17th century. Particular attention is paid to the fate of the service people of this town and the Pustorzhevsky uyezd, many of whom initially fought on the side of the Polish King Sigismund III and then pledged their allegiance to Mikhail Romanov.

Keywords: G.L. Valuev, Aleksander Lisowski, Sigismund III of Poland, rank records, land grants, voyevoda, quarter offices, feeding and supplies books.

1. Evgenij (Bolhovitinov), mitropolit. *Istoriya knyazhestva Pskovskogo* / Sost. N.F. Levin, T.V. Kruglova. Reprintnoe izdanie. Pskovovskaya obl. tipogr., 2009. 416 s. (Pskovskaya istoricheskaya biblioteka). Pervoe izd. Kiev: Tipografiya Kievo-Pecherskoj Lavry, 1831.
2. Sofijskij L.I. *Gorod Opochna i ego uezd v proshlom i nastoyashchem (1414–1914 gg.)*. Reprintnoe izdanie. Pskov: Pskovskaya obl. tipografiya, 2004. 232 s. (Pskovskaya istoricheskaya biblioteka). Pervoe izd. Pskov: Izdanie Opocheckoj Gorodskoj Dumy, 1912.
3. *Pskovskie letopisi* / Izd-vo M.P. Pogodina. M., 1837.
4. *Razryadnaya kniga 1613–1614 gg.* // *Razryadnye knigi 1598–1638 gg.* / Sost. V.I. Buganov, L.F. Kuz'mina; otv. red. V.I. Buganov. M.: Institut istorii AN SSSR, 1974. C. 180–313.
5. *Donesenie pol'skomu korolyu Sigizmuudu III i ego synu caryu Vladislavu Sigizmundovichu ot boyarina I. Saltykova iz Novgoroda. 1610 god, 17 noyabrya* // *Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov, hranyashchihysya v Gosudarstvennoj kollegii inostrannyh del. V 4 ch. M., 1819. Ch. 2. № 209. S. 452–460.*
6. *Reestr chelobitij korolyu Sigizmuudu ot russkikh lyudej o votchinah i pomest'yah. Pod Smolenskom, 1610 g. (Iz Litovskoj metriki)* // *Zemel'nye pozhalovaniya v Moskovskom gosudarstve pri care Vladislave. 1610–1611: Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva. Vyp. 8. / Pod red. i s predisloviem L.M. Suhotina. M., 1911. S. 104–117.*
7. *Zhalovannye i drugie gramoty Pol'skogo korolya Sigizmunda Moskovskim sanovnikom, dvoryanam, detyam boyarskim i drugim licam, na otchiny i pomest'ya, chiny, denezhnye i hlebnye oklady, dvory i pr. po sluchaju izbraniya syna ego, korolevicha Vladislava na Moskovskij Carskij prestol. 1610–1612.* // *Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoj Rossii (dalee – AZR). V 5 t. T. 4 (1588–1632). SPb., 1851. № 183 (I–DCCVIII). S. 320–427.*
8. *Reestr zhalovannyh listov korolya Sigizmunda russkim lyudyam na votchiny i pomest'ya. Pod Smolenskom, 1611 g. (Iz Litovskoj metriki)* // *Zemel'nye pozhalovaniya v Moskovskom gosudarstve pri care Vladislave. 1610–1611. M., 1911. S. 117–124.*
9. *Belokurov S.A. Razryadnye zapisi za Smutnoe vremya* // *CHOIDR. 1907 god. Kn. 3 (222). S. 81–311.*
10. *Otpiska Zemskogo Soveta Caryu Mihailu Fedorovichu o rasporyazheniyah po zashchite Pskova ot shvedov* // *Dvorcovye razryady, po vysochajshemu poveleniyu izdannye II otdeleniem sobstvennoj EIV kancelyarii (dalee – Dvorcovye razryady). SPb., 1850. T. 1. Pril. № 6. Stb. 1051–1055.*
11. *Otpiska Pskovskikh voevod knyazya Ivana Hovanskogo, Nikity Vel'yaminova i Vasiliya Korina o vestyah pro Litovskikh i Nemeckikh lyudej. 1614, fevral'* // *Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Akademiej Nauk. Razryadnyj prikaz. Moskovskij stol / Pod red. N.A. Popova (dalee – AMG). V 3 t. SPb., 1890. T. 1 (1571–1634). № 67. S. 102–103.*
12. *List Sebezhskih Samozvancevyh voevod Lodygina i Neelova Polockomu derzhavcu Korsaku-*
sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissiej. V 5 t. SPb., 1841. T. 2. (1598–1613). № 334. S. 399–401.
13. *Otpiska Pskovskikh voevod knyazya Ivana Hovanskogo s tovarishchami, chto Sebezhskie osadnye golovy Vasilij Bobrov, da Ivan Neelov chinyat zadory za rubezhom, i za to litovskie lyudi hotyat osadit' Sebezhs. 1614, fevral'* // *AMG. SPb., 1890. T. 1. № 65. S. 100–101.*
14. *Vypis' iz pis'ma G. Valueva iz Nevelya k A.I. Gonsevskomu. 1613, iyulya 11* // *Sb. RIO. M., 1913. T. 142, № XXIII–1. S. 421–422.*
15. *Utverzhdenyj spisok peremirnogo dogovora Pskovskikh upolnomochennyh s Al. Lisovskim. 1613, avgusta 20* // *Sb. RIO. M., 1913. T. 142, № XXIII–2. S. 422–424.*
16. *List Litovsko-Pol'skikh poslov Moskovskim dumnym boyaram, o gotovnosti ih byt' v naznachennyj srok na s"ezde dlya mirnyh peregovorov s trebovaniem prekratit' nabegi na porubezhnye mesta i vyslat' na granicu Pol'skikh i litovskikh plennikov dlya vzaimnogo razmena. 1615, avgusta 20* // *AZR. T. 4, № 198. S. 447–448.*
17. *Gramota Litovsko-Pol'skikh poslov Moskovskim boyaram... 1615, avgusta 20* // *Sb. RIO. T. 142. № XXXV. S. 693.*
18. *Pamyatniki istorii Vostochnoj Evropy. Istochniki XV–XVII vv. T. 1. Kniga seunchej i dokumenty Razryadnogo prikaza o pohode Lisovskogo* / Sost. A.L. Stanislavskij, S.P. Mordovina, B.N. Florya; pod red. B.N. Flori. M.; Varshava: Arheograficheskij centr, 1995. 160 s.
19. *Prihodno-raskhodnye knigi Kazennogo prikaza: Raskhodnaya kniga tovaram i veshcham 1613–1614 gg.* // *RIB. V 39 t. SPb., 1884. T. 9. S. 149–341.*
20. *Prihodno-raskhodnaya kniga Razryada 7123 goda: Prihodno-raskhodnye knigi moskovskikh prikazov. Kn. 1* // *RIB. V 39 t. M., 1912. T. 28. Stb. 275–508.*
21. *Knigi razryadnye po oficial'nym onyh spiskam (dalee – Knigi razryadnye). V 2 t. T. 1 (1614–1627). SPb., 1853.*
22. *Raskhodnaya kniga Ustyuzhskoj cheti 127 g.: Prihodno-raskhodnye knigi moskovskikh prikazov. Kn. 1* // *RIB. T. 28. Stb. 683–752.*
23. *Kormlenshchiki Galickoj chetverti, ih oklady i sluzhby v Smutnoe vremya* // *CHOIDR. 1912. Kn. 2. S. 308–352.*
24. *Kormlenaya kniga Galickoj Chetverti 7121–25 gg.* // *CHOIDR. 1912. Kn. 2. S. 60–188.*
25. *Prihodno-raskhodnaya kniga Vladimirskoj cheti 122 g.: Prihodno-raskhodnye knigi moskovskikh prikazov. Kn. 1* // *RIB. V 39 t. M., 1912. T. 28. Stb. 1–116.*
26. *Kormlenaya kniga Vladimirskoj Chetverti 7123 g.: Chetvertchiki Smutnogo vremeni. 1604–1617 gg. (Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva. Vyp. 9) / Pod red. L.M. Suhotina* // *CHOIDR. 1912. Kn. 2. S. 42–59.*
27. *Pervye mesyacy carstvovaniya Mihaila Fedorovicha (Stolpcy Pechatnogo prikaza) / Pod red. L.M. Suhotina. M., 1915. 240 s.*
28. *Kormlenaya kniga Kostromskoj cheti 1613–1627 godov / Publ. A.N. Zercalov* // *RIB. SPb., 1894. T. 15. S. 1–*
209.

Golubickomu, o vospreshchenii Litovcam nabegov na Sebezhs. Sebezhs. 1612, marta 31 // *Akty istoricheskie,*